

В ПОИСКАХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ФОРМ

Независимая газета. — 2000. — 2 нояб. — с. 13

Виктор Ерофеев размышляет о любви и многообразии ее проявлений

ВИКТОР ВЛАДИМИРОВИЧ, поговорим о любви. Чем она для вас является?

— Любовь — это невозможная возможность или, наоборот, возможная невозможность. Это тайна, не поддающаяся никакой дешифровке. Представить себе, что среди такого количества неравноценных, разнознаковых и очень чужих друг другу людей может вспыхивать такое количество страстей, желаний и любви без божественного промысла, невозможно. Ведь человечество, если на него со стороны взглянуть, совершенно не предназначено для любви. Оно замкнуто на своих интересах, оно корыстно, агрессивно, злопамятно. Все эти признаки налицо.

И вдруг вам сюжет. Некий человек, посмотрев на кого-то, кто, в свою очередь, с посторонней точки зрения ничего из себя не представляет или представляет полное ничтожество, так вот тот первый загорается каким-то светом, приходит в экстаз и из своей корыстности вылезает, размыкается, у него возникает ощущение, что он не самодостаточен, что ему нужно подсоединиться к какому-то энергетическому полю. Он хочет стать цельным. Он требует. И это меняет его самого и его жизнь.

Любовь абсолютно недопустима по всем рациональным параметрам. Но с точки зрения некоего предназначения человеческой жизни вообще она только и является основным событием.

— Готовность к любви зависит от возраста?

— Любовь вообще ни от чего из внешних параметров не зависит, даже от пола. Бывает, как мы знаем теперь, и однополая любовь. Она зависит от чуда, и это чудо происходит.

Любовь несет с собой два страшных разрушения. Одно — медленное, когда выветривается в бытовом и в каждодневном, рутинном состоянии. И второе, когда любовь не взаимна или у одного она заканчивается и перекодируется на другого. Любовь таит в себе зародыш самого страшного инфаркта (врачи так и называют его «любовный инфаркт») и самого страшного разочарования, что называется фрустрацией.

Однако все почему-то рискуют, переоценивая себя и ценности, — все бросаются в эту печь. Наверное, это действительно самая большая тайна. Я, естественно, говорю о серьезном чувстве.

— А с чем связан распад чуда, кроме бытовых причин, которые вы уже определили?

— Когда чудо, то происходит ослепление. Человек в состоянии любви видит своего партнера как часть себя и дописывает теми красками, которые ему самому свойственны. Напримудивание такое.

— То есть, когда включают нормальный свет, все становится на свои места, и вместо чуда — разочарование?

— Просто в ситуации чуда мы совсем не прислушиваемся к другим голосам и даже к своему собственному, может быть, становимся маньяками. Но через какое-то время — прислушиваемся и получаем, что и ты, и любимый твой — идиоты. Довлест реальная жизнь. Чем больше прислушивания, тем меньше любви.

Человечество создало много очень сложных машин — спутники, компьютеры, но до сих пор не придумало самого важного, например, как бороться с гриппом или с похмельем и как жить с любовью. И несмотря на гигантское количество книг о любви («Капитал» Карла Маркса — тоже книга о любви, но — к пролетариату) и духовных рецептов, совершенно не описано, как эту любовь сберечь, как противостоять чужому мнению. Очень мало реальных рецептов. Они либо астрологически оккультские, либо прагматические — как, например, преупсепт в жизни и в первую очередь — сделать свой бизнес. Какой бизнес, когда любовь даже важнее счастья!

— Хорошо, любовь — большое желание. Желание только физическое?

— Я вообще думаю, что роль секса переоценена в XX веке. Это, безусловно, наслаждение, удовольствие, отдых и досуг. Это связь и доверие. и, наконец, — откуда дети берутся. Но любовь в чистом виде гораздо больше, чем секс.

Интересно, что это видно через призму измены: люди изменяют, но остаются верными любимым на самом высоком уровне. Они могут даже расстаться. Потом через годы встречаются, и тела их покрыты поцелуями других людей. Но вдруг приходит понимание, что это самый родной, близкий и любимый человек. Никакие годы и жизнь ничтожны.

Чувство собственности, как бы владения чужим телом — самое опасное, оно есть главное разрушение. Все считают, что в любви и в браке тело партнера принадлежит только тебе. В результате получается масса неприятностей, когда человек начинает заявлять права на свободу собственного тела. А история и качество любви определяется лишь тем, что, прожив годы друг без друга, пройдя через многое, вдруг понимаешь, что это и есть любовь.

— А не являются ли ваши размышления о свободе тела оправданием, мягко скажем, распушенности? И духовные связи здесь отлично выступают оправданием нечистоплотного сюжета?

— Здесь нет призыва тратить тело беспорядочно, но два тела на одной кровати нельзя превращать в одно. Я ни в коем случае не призываю к распушенности. Сказанное — лишь пример того, что и такое бывает. Но и это бесцельно перед настоящей любовью. Любовь, конечно, требует герметичности. Она и сакральна, и сокровенна. Ее надо оберегать. И любые поползновения к посторонним удовольствиям ее травмируют. Я говорю о другом: любовь можно даже убивать, но она не помрет, если она реальная.

— Тогда возникает вопрос: что же такое в этой любви — духовный контакт или нечто нами непознанное?

— Непознанное. Мы часто любовь подталкиваем к сексу, к гармонии, к каким-то распространяемым понятиям и словам. Но откуда через годы это странное прозрение, что ничего не важно — человек давно живет с другим человеком, там дети, другая жизнь. Но при встрече (собственно, и без нее) понятно, что у людей — отношения. Это чудо, и я не нахожу физических или человеческих параметров этого контакта. Оккультизм здесь не помогает. Но есть очень точные попадания, соединения навсегда без какой-либо даже совместной жизни. Эта любовь вызывает у меня особо трепетное чувство. В таком состоянии тебе уже ничего не страшно.

— Прекрасно, но почему тогда любящие не вместе?

— Любовь — не очень комфортная штука. А часто, будучи эгоистами, мы выбираем комфорт. И тогда уже услужливая любовь заглядывает в глаза, готовит ужин, моет голову. Это не чувство, а приспособление.

Но люди, продвинутые в любви и сексе, всегда найдут те формы удовольствия в их сочетании, которые им будут интересны. В XX веке мы действительно оттолкнули от понимания главного. Это хорошо видно по нашей живописи. Сначала показывали плечи, потом — грудь, потом — ноги. Потом — все. А сейчас концентрация дошла до половых органов — мест как бы главного наслаждения. Как будто это футбольные ворота, куда надо забить гол. Словно это главная форма победы или унижения.

Любовь же — возможность двух людей находиться в состоянии не просто счастья (счастливым можно быть с детьми, с друзьями, в семье), а в состоянии поразительного покоя. Тогда, собственно, тебе ничего уже не нужно. Это надмирный покой. Покой души. Душа-то над миром.

— Давно ли вы пришли к таким соображениям и формулировкам?

— Честно признаюсь, что об этом я раньше мало рассуждал, потому что мне всегда казалось, что тема эта принадлежит каким-то песням. А когда я в жизни сделал несколько решительных поступков, я увидел...

— Перспективы?

— Не перспективы, а вещи, которые абсолютно не проанализированы. Ни литература, ни философия не дают объяснений.

— Мы всегда знали вас как человека конкретного. Может быть, желание по-пробовать любовь — это результат вашего увлечения философией, и в первую очередь восточной и религиозной?

— Вам как человеку, лично годы утверждающему приоритет русской души, будет это понятно и приятно слышать. Последние два года, когда я нахожусь в свободном полете, я понял, что человек в России попадает в мир сильных чувств, связанных с любовью, — положительных или отрицательных, даже крайних ощущений. Когда иногда кажется, что разрыв невозможен, даже если есть полный разрыв. И тогда правильное, грамотное, как теперь говорят, поведение связано не с Западом, а со Средним Востоком — назовем так нашу родину, место, где мы живем. Принципы самолюбия, мужской уязвленности, мужской соревновательности, инстинкт охотника, категоричность, определенность, победительность (аналогично и у женщин) — все то, что характеризует позиции западного активизма, здесь у нас не только не работает, но разрушает и разбивает возможности.

Уговорить пространство невозможно. Не работает западная идея, что можно догнать, убедить и перегнать. Европейство в русских отношениях, как наши песенки, поверхностно и дурашливо.

— Мужчина должен быть пассивным?

— Мужчина должен набраться состояния душевного терпения (пойди и наберись) и сидеть на крыльце дома с ним, чтобы в какой-то момент пронесли тело его противника.

— Я надеюсь, что вы пойдете дальше и скажете: тогда женщина приплывет, причем именно та, которую он заказывал, собирая по частичкам свое душевное состояние?

— Кстати, тогда и женщина может приплыть. Интересно, что именно в отказе от европейской гордыни (прямо слова Достоевского — «смирись, гордый человек»), в отказе от условностей света и всего прочего может кое-что и выработаться — большее, чем нам кажется. В любовной, эмоциональной сфере жизни мы, по сути, люди, приближенные все-таки к Востоку. И любые выбранные нами западные действия ни к чему хорошему не приводят. Сегодня это мое сложившееся убеждение.

— Значит, нужно слушать генетически?

— Действительно наш код не западный по эмоциям, нужно только услышать его. Хотя внутри мы сильно засорены, и не только влиянием Запада, но и тяжелой русской жизнью.

— А может быть, для очищения, как советует Восток, пожить без мужчин и женщин — в одиночестве, сидеть себе на вымытом крыльце?

— Должен быть, конечно, внутренний монастырь (попробуй его создай) при том, что жизнь, конечно, не ориентирована на монастырь. При том, что ты не умеешь приготовить яичницу. И всегда хочется быстро найти решение, чтобы остаться на плаву. Но это подмена сути. Тщеславие не прорабатывает любовь. Сразу любовь не найдешь. Она всегда приходит, когда не должна прийти.

— Сначала довести себя до состояния, когда любовь «не должна прийти», а потом ее, может быть, и не узнаешь? — Нет, узнаешь. Она узнаваема по чувству глобального переворота. Это как в писательстве — не ты же культивируешь слово, а оно тебя. Не может быть в литературе мастера слова, может быть только его раб. Так и мы — рабы любви.

И только настоящий человек в состоянии выйти к настоящей любви. Это смело, но только такой может при-

Виктор Ерофеев.
Фото Артема Чернова (НГ-фото)

нять настоящую и большую любовь. Остальным остается только развивать способности.

— А вам не кажется, что многие выстраивают схемы и под них подстраивают реальную жизнь? Может быть, надо искать просто живого человека? Ведь есть профессионализм и есть любительство. Можно создать нечто качественное, но нельзя с этим жить. Только любительство искренне в поиске, находке и откровении.

— Любительство как форма поиска, любовь как факт достижения. Ты попадаешь в сферу, зону любви, но не ты ее создаешь. Как текст больше автора, так любовь больше человека. А конструкцию родить можно и входить в нее тоже можно. Но когда человек подходит к жизни с искусственной конструкцией, наступает самая жестокая фрустрация, по-русски говоря, облом.

Я видел случаи, и они чудовищны. Вообще я очень уважаю людей, которые готовы жить в одиночестве, если нет настоящего чувства. Женщины почему-то легче делают такой выбор. Я знаю многих женщин не только здесь, а по всему миру. Они конкретно отказываются жить с нелюбимыми людьми. Это большая воля. У мужчин ее меньше, они более зависимы, им должны готовить еду и гладить рубашку.

— Хотя это может делать простая домработница. — Интересно, что Григорий Распутин считал, что самый большой грех, который совершает женщина в браке, — если живет без любви к своему мужу. Может быть, он во всех других отношениях был не прав, но тут, пожалуй, можно с ним согласиться. И еще добавить то же самое про мужчину.

Нельзя в любви сбиваться на имитацию. Вообще говоря, в чистом старте не надо бояться одиночества. Хотя если бы у меня сегодня была проблема такого выбора, не уверен, что мне бы удалось чисто и одиноко существовать.

— Может быть, надо работать над собой, а не над схемами?

— Правильнее сказать: работая над собой, не создавая из себя схему. Не имитируя, вычленив карму или свою собственную органику, не замутняться, не подвергать себя грубому насилию со стороны. По Ахматовой — это «пытка належдой».

— Что такое продвинутое в сексе, мы можем предположить, а что такое упомянутая вами продвинутое в любви?

— Это когда некто знает некие законы, которые позволяют ему, если он будет себя грамотно вести, защитить любовь от разрушения.

— Интуитивно знает или практически?

— Скорее интуитивно. Есть люди, которым любовь идет, причем не их любят, а они.

— Есть ли примеры продвинутых в любви?

— Пушкин. Он в стихах не врал про любовь. У нас в литературе не все правильно было сказано обществу не только про состояние народа и человечества, но и про любовь было слегка запутано. Пушкин не ошибался не только потому, что был изысканно философски образован (хотя был), но потому, что знал.

— А из наших современников — есть ли такие?

— Как ни странно, когда разразилась трагедия, меня очень привлекла пара Горбачевых. Я подумал, что, при всей нелепости этой пары, они какой-то пример любви демонстрировали. И это меня по-настоящему тронуло. Не знаю уж, была ли там продвинутое, но то, что любовь была, — безусловно. Нельзя любовь доделать, ее можно развивать с помощью ее же самой. И должна быть открытость. Искусство, надо сказать, редкое, потому что любовь обычно люди забивают палками, и это часто и быстро случается. Мы просто склонны к саморазрушению.

— А может быть, проблема состоит в том, что люди не могут найти равновесие между любовью, которую хотят, и свободой, которой добивались?

— Когда возникает любовь, она включает в себя свободу. В любви нет противостояния свободе. Ревность, собственничество — вот главные антиподы свободы.

— Но что же все-таки является ее самым тонким признаком?

— Самый главный критерий — когда люди давно не вместе, но друг с другом. Это, конечно, вид фантазии. Но не человек фантазирует чувством, а чувство фантазирует человеком.

— Значит, можно встретиться с давно тебе (как бы) чужим человеком и понять, что с ним в любви и благодати прожитая вся жизнь? И вам известен такой случай?

— Я говорю только то, что знаю. Но вообще я не привожу примеров из личной жизни. Что я говорил — не результат моей жизни, а лишь то, что мне было дано или не дано ощутить и понять. Это состояние, в котором я теперь живу.

— Так вы констатируете тот факт, что реально можно жить с человеком, не живя с ним физически?

— Это абсолютно возможно. Но тут надо быть действительно продвинутым.

— И ваш партнер, он также реально живет с вами при отсутствии вас рядом?

— При взаимности — да.

— Как же выглядят ваши отношения? — В этом нет никакого извращения.

Получается, что за человеком не надо подсматривать или наблюдать. Ты спокоен, потому что он есть, реально существует. Здесь нет вербальных объяснений. Люди, просто живя полноценной жизнью с точки зрения общества и самих себя, насквозь через жизнь любят других людей. Это сильно.

— Может быть, всем нам надо построить свою жизнь комфортно и удобно и при этом абсолютно безопасно любить

через жизнь других в абсолютном покое? Хотя, наверное, это лукавство, если не сказать вранье.

— Жизнь подразумевает некоторое лукавство, иначе мы затравим всех вокруг. При таком чистом градусе все ошалело от нашего разнодушия. Примем лукавство не как обман, а как игру.

— Тогда красиво, но ненатурально. А как все-таки общаются люди, любящие друг друга через время и пространство?

— Это очень просто. Почти у каждого писателя есть идеальный читатель. Его необязательно видеть каждый день. Но пишешь, чтобы именно он тебя понял — человек с определенной системой восприятия. Любовь — это тоже творческий процесс и все так же происходит. Ты ждешь и получаешь ответ на свои действия и соображения от партнера.

— Не любимый, а фантом какой-то.

— Это самая большая реальность в жизни: с кем ты себя ощущаешь, тот только для тебя и существует. А при личной встрече ты выверяешь правильность. Жизнь становится большая за счет расстояния, на котором ты живешь с этим человеком, и возникает ощущение медленного времени. Ты с ним ведешь непрекращающиеся внутренние беседы.

— Ты сам себе даешь ответ на основанные знания мнимого собеседника?

— Это форма любви — внутренний диалог, но только с чувствующим тебя человеком. Внутренняя творческая жизнь, которая — любовь.

— Существуют ли материальные подтверждения существования таких диалогов, таких отношений, такой жизни, кроме двух уверенных в этом людей?

— Любовные стихи — материальная форма внутренней фразы. Человек честен перед собой. Это форма его основной эмоциональной жизни. То есть подобное общение и есть его подлинная жизнь. Это звучит с точки зрения бытовой морали больно.

— Получается, что подтверждением всему этому может быть только то, что вы это знаете? Но вообще насчет таких фантазий нам с вами хорошо знакомый писатель высказал соображение — все, что придумал в голове, прожил физически.

— Я знаю, о ком вы говорите, но это известно достаточно давно. Вспомните Кастанеду. Вопрос у него ставится так: где реальность — в развитии сна или в том, что ты видишь глазами?

— Не соглашусь. Кастанеда рекомендовал педалировать свои фантазии стимуляторами, а это еще одна реальность, не имеющая отношения к нашей беседе.

— Вообще ко всем видам фантазий надо весьма аккуратно приближаться, потому что у человека начинают сильные пробоины в реальной жизни. Фантазии требуют гигантской энергетической подпитки. Не каждый организм с этим справляется. Разные миры сложно совместимы. Мало кто способен на такие подвиги. Многим не по физическим средствам. Повторяю, это могут осуществить только сильно продвинутые люди.

— Виктор Владимирович, мы рады, что застали вас в размышлениях о любви и многообразии ее форм.

— Я сейчас нахожусь лишь в поисках новых литературных форм.

ИЗ ДОСЬЕ «НГ»

Виктор Владимирович Ерофеев родился в 1947 г. в Москве в семье дипломата. В 1970 г. окончил филологический факультет МГУ. В 1973 г. — аспирантуру ИМЛИ. В 1975 г. защитил диссертацию «Достоевский и французский экзистенциализм». В 1979 г. был исключен из Союза писателей СССР за участие в организации самиздатского альманаха «Метрополь». В конце 80-х его роман «Русская красавица», переведенный затем на многие языки мира, становится почти бестселлером. По его рассказу «Жизнь с идиотом» Альфред Шнитке написал оперу, премьера которой состоялась в Амстердаме в 1992 г., а в 1993 г. по этому же рассказу режиссер Александр Рогожкин снял фильм. За последние годы вышли книги «Русские цветы зла», «Страшный суд», «Мужчины», «Пять рек жизни».